

Пик Знаменитого Меча — самая высокая точка Секты Небесного Меча, место для тренировок лучших мастеров меча. По статусу глава этого пика уступает лишь главе всей секты.

Поднявшись на Пик Знаменитого Меча, Ци Моюнь наконец установил связь с номером 996.

— Хозяин, склад Системы требует обновления. Сейчас разблокировка высокоуровневых готовых блюд стоит лишь...

996 огляделся по сторонам и внезапно замолчал.

Ци Моюнь: Лишь что?

996 проглотил слова, которые хотел произнести, и вместо этого поправился: Лишь четыре миллиона пятьсот тысяч очков симпатии.

Ци Моюнь: Ты так долго был отключен ради этого обновления, и снизил верхний порог всего на пятьсот тысяч?

996 замялся: Да.

Ци Моюнь был крайне разочарован: А я-то думал, в складе Системы произойдут какие-то значительные перемены.

Белый Журавль, чья культивация еще была неглубокой, лишь недавно принял человеческий облик, и его характер оставался детским, а речь неизбежно — наивной: Подумать только, я, величественный великий демон, был принят Бессмертным Почтенным лишь в качестве духовного зверя, так с чего ты решил, что можешь стать его учеником?

Кто он такой, Система 996? Неужели он мог потратить целую ночь на пересчет значений, чтобы снизить их на жалкие пятьсот тысяч? Очевидно же, что он снизил их ровно на два с половиной миллиона!

Но он не мог об этом сказать.

Хозяин пришел на Пик Знаменитого Меча добровольно, а это означало, что он задумался о том, как очистить свое имя. Если он узнает, что порог разблокировки предметов на складе снизился настолько, не станет ли он лениться? А вдруг, получив желаемое, он перестанет стараться?

Поэтому Система могла только подставить своего хозяина.

996 усмехнулся про себя: Я сейчас сниму с хозяина маску, и он у тебя в глазах рябить будет.

— Тогда Система просто озолотится!

Белый Журавль взглянул на Ци Моюня и прямолинейно выпалил: Значит, ты и есть Ци Цзинчжи? Но ты всего лишь полудемон, как ты вообще смог приглануться Бессмертному Почтенному?

Ци Моюнь в системе нашел информацию: после того как Ци Цзинчжи сослали на Пик Духовных Лекарств, Бессмертный Почтенный Цюньюй приютил Белого Журавля — должно быть, это именно он.

Ци Моюнь тихонько рассмеялся.

Белый Журавль тут же покраснел и в ярости воскликнул: Ты! Ты! Ты надо мной смеешься? Хм, вот вернется Бессмертный Почтенный из уединенной медитации, я обязательно расскажу ему, и он изгонит тебя из секты!

— Хорошо, — ответил Ци Моюнь. — А теперь пора идти, не так ли?

Внезапно услышав согласие, Белый Журавль подавился словами. Почему-то он почувствовал обиду: опустил голову, закусил губу и пробормотал: Стать учеником Бессмертного Почтенного — такая честь, как ты можешь этого не ценить...

Долгое время не получая ответа, он поднял голову и увидел, что Ци Моюнь уже ушел далеко вперед. Шмыгнув носом, журавль бросился вдогонку.

Главный дворец Пика Знаменитого Меча.

Стоило Ци Моюню переступить порог, как атмосфера в зале мгновенно застыла.

Белый Журавль, летевший рядом, обернулся в свою истинную форму, пролетел над гостями и опустился рядом с Гун Цяньшуйем, восседавшем на главном месте. Гун Цяньшуй что-то сказал ему, и птица снова взмахнула крыльями, вылетев из зала.

Гун Цяньшуй, совершенно не обращая внимания на ледяную атмосферу в зале, взмахнул веером. Его вид был безупречен, а на губах играла улыбка.

— Второй старший брат, прошу, занимай свое место, — произнес он.

Ци Моюнь сел на ближайшее свободное место в самом конце.

Увидев, что Ци Моюнь занял место рядом с ним, глава даосской обители заерзал и невольно отодвинулся подальше, подумав: Глава Пика Знаменитого Меча не забыл о своем опальном старшем брате, поистине великодушен и помнит старую привязанность.

Напротив, главы пиков Чжияюань и Наньчэн бросили на Ци Моюня сложные взгляды, размышляя: хоть он еще не изгнан из секты, но все же является преступником. Появление в кругу наставников праведных сект — не навлечет ли это позор на Секту Небесного Меча? О чем только думает младший брат Цяньшуй?

Другие наставники сект, очевидно, не желали иметь дело с Ци Моюнем, ведь в мире культиваторов люди, скованные Оковами Греха, вызывают лишь презрение.

Голос Гун Цяньшуя разнесся по залу: Уважаемые наставники, глава секты и мой Учитель сейчас находятся в уединенной медитации, исполняющий обязанности главы также слишком занят делами, поэтому в этом году я проведу собрание по выбору учеников. Буду рад принять вас вместе с тремя старшими братьями, прошу понять и простить.

Все присутствующие праведники поспешно сложили руки: Что вы, что вы.

Семь лет назад Гун Цяньшуй, рискуя жизнью, добыл противоядие от демонической отравы, спасая весь мир культивации, за что пользовался огромным уважением, а в Секте Небесного Меча занимал положение, уступающее лишь главе секты и Бессмертному Почтенному Цюньюю. Кто посмеет отказать ему в почтении?

После того как Гун Цяньшуй кратко изложил порядок проведения собрания, все принялись за вино и беседы о Пути.

Секта Небесного Меча, будучи оплотом праведников, всегда приглашала крупные секты на свои собрания — чтобы продемонстрировать мощь в привлечении талантов со всего мира, показать успехи новых дарований и воспользоваться случаем для обмена опытом.

Все подняли кубки, но Ци Моюнь к своему не притронулся.

Он сидел в самом дальнем углу, и если не приглядываться, можно было не заметить, что он не пьет. Но Гун Цяньшуй, сидевший на самом высоком месте, видел всё как на ладони.

Узнав, что Ци Моюнь прибыл на Пик Знаменитого Меча, Гун Цяньшуй намеренно послал Белого Журавля встретить его, чтобы тот осознал свою ничтожную сущность полудемона, а затем специально заманил его во дворец, чтобы унижить.

Итак, чем еще можно унижить Ци Моюня, помимо всеобщего избегания? Гун Цяньшуй задумался. Видя, что Ци Моюнь не желает пить, он слегка постучал пальцами по столу — план созрел.

Он велел ученикам подать блюда.

Культиваторы уже давно перешли на духовную пищу, поэтому подали не обычные яства, а редкое мясо духовных зверей и целебные травы, приготовленные специально для буддистов. Для практиков эта еда была крайне полезна, но для Ци Моюня, который стал подобен обычному человеку, она была сродни яду.

Сун И, первый ученик Пика Знаменитого Меча, вместе с другими учениками разнес угощения. Когда дело дошло до столика Ци Моюня, на нем также оказалась тарелка с мясом духовного зверя. Через мгновение Сун И подошел к Ци Моюню с извиняющимся видом: Старший дядя, я запомнил, что у вас нет культивации, и вы не можете вкушать плоть духовных зверей. Давайте я велю на кухне приготовить для вас обычную еду. Прошу прощения.

Сун И окликнул учеников: Эй, уберите всё с подноса старшего дяди Ци!

Гун Цяньшуй наблюдал за этой сценой и подумал, что Сун И не зря является его самым способным учеником: без единого указания он понял, что нужно делать.

От этой мысли Гун Цяньшуй стал еще более самодовольным.

Вскоре на столе Ци Моюня появилась простая порция еды.

Сун И подготовил любовное зелье еще вчера и всё искал случая подсыпать его Ци Моюню. Теперь представилась идеальная возможность. Он уже давно подмешал зелье в еду.

Стоит Ци Моюню отведать её, как он под влиянием чар непременно восплачет страстью и бросится в объятия Сун И.

Думая об этом, он едва сдержал улыбку, поспешно покинул зал и отправился на кухню взять еще несколько блюд — для верности он решил подсыпать зелье в каждое из них.

— Господа, не стесняйтесь, приступайте, — Гун Цяньшуй с улыбкой наблюдал, как все взяли за палочки, а затем вновь перевел взгляд на Ци Моюня.

Ци Моюнь смотрел на стоявшее перед ним блюдо — жареную рыбу.

— Что такое, старший брат? Еда не по вкусу? — спросил Гун Цяньшуй.

Стоило ему заговорить, как все присутствующие уставились на Ци Моюня.

Гун Цяньшуй только этого и ждал.

Секта Небесного Меча — радушный хозяин, и он уже подчеркнул, что принимает гостей вместе с тремя старшими братьями. Под взглядами глав всех сект Ци Моюнь, столь дорожащий приличиями, будет вынужден снять маску, чтобы поесть и выпить.

А лицо под маской станет еще одним поводом для унижения, особенно на глазах у всех наставников.

Он никогда не видел, чтобы его второй старший брат снимал маску, и всегда был любопытен: если он на самом деле уродлив, как гласят слухи, разве это не будет забавно?

Сун И, спрятавшись за деревьями, достал фарфоровый флакон и вылил любовное зелье в суп из ребер с ямсом.

Он уже не мог дождаться, в его голове стояли картины того, как Ци Моюнь выглядит в постели, и слюнки едва не потекли.

Когда он, сладострастно ухмыляясь, поднял голову, то внезапно наткнулся на кого-то и замер.

Это был Лин Уюй.

<http://bllate.org/book/22076/2295632>